

"Новое обозрение" (Тифлис) 1892, Изв. N 2969

Новые течения в русской журналистике.

мат. N 2702

«Действительности» была целью показать важное значение для искусства действительной жизни и требовала от искусства служения этой жизни. В одном из своих статей содержание книги г. Вольвский передает верно:

«Трагедия, говорит он, заканчивается следующим сентенциозом. Наука не должна быть выше действительности и это не стыд для нее. Искусство также не должно быть выше действительности, ибо это не унижительно для него. Наука не стыдится говорить, что цель ее — познать и объяснить действительность. Пусть и искусство не стыдится признать, что цель его — воспроизводить по мѣрѣ силъ эту действительность, пусть искусство пользуется своими высокими, прекрасными наименованіями, въ случаѣ отсутствія действительности, быть въ некоторомъ замѣномъ ей и быть для человѣка учебникомъ жизни».

Что же противъ этого возражаетъ г. Вольвский? Онъ находитъ въ этой формулѣ искусства покушение на метафизическую философію, непониманіе «критики чистаго разума» Канта и идеалистическихъ началъ жизни. Г. Вольвский пишетъ очень туманно, въ духѣ нѣмецкой философіи и мы не будемъ утомлять читателя длинными цитатами изъ его статей. Приведемъ наиболѣе понятное мѣсто изъ возраженій, выставляемыхъ критикомъ противъ вышеприведенной формулы.

«Авторы „Эстетическихъ отношеній“ говорятъ: Прекрасное есть жизнь, прекрасное то существо, въ которомъ мы видимъ жизнь такую, какою она должна быть по нашимъ понятіямъ,—и при этомъ не замѣчаютъ, что даже въ такомъ грубомъ опредѣленіи прекраснаго критерій красоты поставленъ на подобіе идеалистической эстетики... Критерій красоты не въ жизни, а въ созданіи: не жизнь предпринимаетъ условія изящнаго, красиваго, художественно совершеннаго, а мысль человѣческая, творческое сознаніе. Искусство есть духовное творчество, создающее идеальные образцы въ двухъ направленіяхъ: оно даетъ жизнь внутреннему мѣрилу красоты и яркими картинами борьбы и страданій вызываетъ представленіе о возвышенномъ духовномъ призваніи человѣка...»

«Идеалистическая философія учитъ, что природа сама по себѣ не заключаетъ въ себѣ никакихъ возвышенныхъ явленій, что вѣщныя предметы и явленія могутъ дать только поводъ къ возвышеннымъ настроеніямъ, что возвышенное есть только побѣдное сознаніе разума о своемъ превосходствѣ надъ всякимъ чувственнымъ мѣриломъ, но—вѣдь это метафизика...»

Эти разсужденія однако не могутъ служить возраженіемъ противъ теоріи автора „Эстет. отношеній искусства къ действительности“. Авторъ этого послѣдняго трактата, какъ видно изъ вышеприведеннаго изложенія его самимъ критикомъ, вовсе не исключаетъ изъ понятія о жизни жизнь человѣка съ его внутреннимъ міромъ. Если трактатъ требуетъ отъ искусства служенія действительности, то это еще не

значить, чтобы искусство не касалось идей. Автор трактата в другом своем, более позднем произведении (см. „Русск. Вѣд.“, 1885 г.), очень ясно указывает, что, по его мнѣнію, в жизни не существует предметов в томъ видѣ, въ какомъ ихъ мы видимъ, и что наши представленія о всѣхъ явленіяхъ природы крайне субъективны. Могъ-ли тотъ-же авторъ быть крайнимъ поклонникомъ объективизма въ искусствѣ? Повидимому, г. Волинскому неизвѣстно это сочиненіе разбираемаго имъ автора; во всякомъ случаѣ, оно ему менѣе извѣстно, чѣмъ философія Канта—автору трактата *).

Не сумѣю опровергнуть ненавистную ему теорію, г. Волинскій не скупится по адресу ея на „крѣпкія словечки“.

„Промехи реалистической эстетики,—воскликаетъ онъ,—слишкомъ очевидны, слишкомъ элементарны. Теоретическія разсужденія разбираемаго трактата не только устарѣли, но, можно сказать, никогда не были ни юными, ни жизнеспособными. Это рядъ полудѣтскихъ ошибокъ мысли, которыя не были-бы особенно прискорбны, если-бы къ сожалѣнію не оказали такого сильнаго воздѣйствія на

*) Г. Волинскій почему-то часто попрекаетъ автора трактата въ незнакомствѣ съ „Критикою чистаго разума“, чего нельзя допустить, имѣя въ виду широкое образованіе и громадную эрудицію автора трактата.

неравнѣтное сознаніе русскаго общества“.

Вотъ ужъ поместить „сердитое безсиліе“! Критикъ слишкомъ часто указываетъ на громадное вліяніе разбираемаго имъ трактата на современниковъ, но не указываетъ, какія пагубныя послѣдствія имѣло это вліяніе. Можно подумать, что молодому критику не даютъ спать лавры его знаменитаго предшественника.

Въ то время, какъ г. Волинскій нападаетъ на главу реальной эстетики за его подчиненіе дѣйствительной жизни и за *отсутствіе идеаловъ*, другой сотрудникъ „Сѣвернаго Вѣстника“, извѣстный беллетристъ Ант. Чеховъ, въ своемъ послѣднемъ разсказѣ „Сосѣди“, напечатанномъ въ іюльскомъ номерѣ „Книжекъ Недѣля“, напротивъ, осмѣиваетъ *идеализмъ* того-же поколѣнія 60-хъ и 70-хъ гг., въ лицѣ своего героя, нѣкоего Власича. Послѣдній, желая оправдать гражданскій бракъ свой съ дѣвушкой Кашиной, разсказываетъ брату послѣдней слѣдующую исторію своей легальной жены, исторію, въ правдивости которой и авторъ, повидимому, нисколько не сомнѣвается:

Въ нашемъ полку, разсказывалъ Власичъ, одинъ батальонный командиръ сошелся съ восемнадцатилѣтней дѣвочкой, то-есть, попросту, обольстилъ ее, пожилъ съ ней мѣсяца два и бросилъ. Очутилась она, братъ,

въ ужаснѣйшемъ положеніи. Къ родителямъ возвращаться совѣстно, да и не прамуть, любовникъ бросилъ,—хоть иди въ казармы и продавай себя. Товарищи по полку были возмущены. Сами тоже они не святые, но подлость ужъ очень глаза рѣзала. Батальоннаго въ тому-же въ полку всѣ терпѣть не могли. И чтобы подложить ему свинью, понимаешь-ли, стали всѣ негодующіе прапорщики и подпоручики собирать деньги по подпискѣ въ пользу несчастной дѣвочки. Ну, вотъ, когда мы, младшіе оберъ-офицеры, собрались на совѣщаніе и когда стали выкладывать что иль, кто десять рублей, у меня вдругъ загорѣлся голодъ. Обстановка показалась мнѣ слишкомъ подходящею для подвига. Я поспѣшилъ къ дѣвчѣ и въ горячихъ выраженіяхъ высказалъ ей свое сочувствіе. И пока я шелъ къ ней и потому говорилъ, я горячо любилъ ее, какъ униженную и оскорбленную. Да... Но, вышло такъ, что черезъ недѣлю послѣ этого я сдѣлалъ ей предложеніе. Начальство и товарищи нашли бракъ мой несовмѣстнымъ съ достоинствомъ офицера. Это меня еще пуще возпламенило. Я, понимая-ли, написалъ длинное письмо, въ которомъ доказалъ, что мой поступокъ долженъ быть записанъ въ исторіи полка золотыми буквами и прочее. Письмо послалъ командиру, а копии товарищамъ. Ну, конечно, былъ возбужденъ и не обошлось безъ рѣзкостей. Меня попросили оставить полкъ. Гдѣ-то у меня спрятанъ черновикъ, я тебѣ дамъ прочесть какъ-нибудь. Написано съ большимъ чувствомъ. Ты увидишь, какія я переживалъ честныя, свѣтлыя минуты. Подалъ я въ отставку и пріѣхалъ съ женой сюда. Послѣ отца остались кое-какіе долгишки, денегъ у ме-

ня не было, я жона отъ первого-же дня завела знакомства, стала метаться и играть въ карты, и я вынужденъ былъ заложить нѣтъ-нѣ. Вѣла она, понимашь-ли, нехорошую жизнь, и изъ всѣхъ моихъ сосѣдей только одинъ ты не былъ ее любовникомъ. Годъ черезъ два далъ я ей отступного, все, что у меня было тогда, и она уѣхала въ городъ. Да... И теперь я выплачиваю ей по тысячѣ двѣсти ежегодно. Ужасная женщина! Есть, братъ, мука, которая клалась личнику на синю паука такимъ образомъ, что тотъ никакъ не можетъ сбросить ее; личника прироста къ паукѣ и пьетъ изъ его сердца кровь. Точно такъ-же приросла ко мнѣ и пьетъ изъ моего сердца кровь эта женщина. Она ненавидитъ и презираетъ меня за то, что я сдѣлалъ глупость, то-есть женился на такой женщинѣ, какъ она. Мое великодушіе кажется ей жалкимъ. „Униженный человекъ, говорить, бросилъ меня, а дурака подобралъ“. По ее мнѣнію, только малкій идіотъ могъ поступить такъ, какъ я. И нѣтъ, братъ, это невыносимо горько. Вообще, братъ, скажу въ скобкахъ, гнетъ меня судьба. Въ дугу гнетъ.

Такъ, что-же богѣ правъ: г. Волинскій, упрекающій шестидесятниковъ въ рьяномъ реализмѣ, или его соратники по борьбѣ въ тѣмъ-же шестидесятниками, г. Чеховъ, обвиняющій ихъ въ неваніи жизни и увлеченіи непрактичными идеями.

Намъ кажется, что г. Чеховъ несомнѣнно богѣ правъ.

Но г. Чеховъ не сумѣлъ удержаться на объективномъ изображеніи

Власича, а пустился въ сатиру. Изъ дальнѣйшаго теченія разсказа г. Чехова читатель усматриваетъ, что непрактичность Власича граничитъ съ легендарнымъ легкомысліемъ и гнетъ не одного его, а съ нимъ вмѣстѣ и другихъ, совершенно невинныхъ въ томъ людей. Власичъ портитъ жизнь не только себѣ, но и другимъ, и является въ глазахъ читателя самымъ ужаснымъ преступникомъ, похищая въ свою конуру сосѣдку—дѣвушку Каминцеву, этотъ нѣжный цѣтокъ, для описанія котораго авторъ не жалѣетъ самыхъ блестящихъ, самыхъ яркихъ красокъ. Каминцева представлена у г. Чехова чуть не идеаломъ совершенства, какъ-бы для того, чтобы усугубить преступленіе Власича, лишившаго ея счастья, благодаря гражданскому браку.

Видно, что у автора слишкомъ сильно было желаніе: своего героя, увлекшагося Писаревымъ и Добролюбовымъ, выставить жалкимъ и ни на что негоднымъ туппцей, и художественное чутье измѣнило ему въ данномъ случаѣ настолько, что у него вмѣсто живого и вѣрнаго типа получилась уродливая карикатура.

Но если даже предположить (что весьма трудно), что г. Чеховъ вполне объективенъ, и что Власичи сами по себѣ дѣйствительно очень вредны, то

и въ такомъ случаѣ невозможно г. Чехова похвалить за его разсказъ. Онъ долженъ-бы понимать, что моментъ для обличенія представителей 60-хъ гг. выбранъ неудачно. Они почти отжили свой вѣкъ, не пользуются ни въ какихъ сферахъ какимъ-бы то ни было вліяніемъ, и лежакаго бить, право, стыдно. Если-же, несмотря на это, главные представители новаго поколѣнія литераторовъ продолжаютъ бить своихъ предшественниковъ, то что-же можно изъ этого заключить? Конечно, только то, что лежацій духомъ все-же настолько бодръ, или бьющій настолько немогъ, что этотъ послѣдній чувствуетъ опасность отъ лежакаго.

**

Все, что здѣсь мы сказали о новомъ разсказѣ г. Чехова, могли-бы мы сказать и о рядѣ литературныхъ очерковъ нѣкоего г. Меншикова подъ названіемъ „Призваніе журналистики“, почтавшихся въ послѣднихъ №-рахъ „Книжекъ Недѣли“.

Авторъ этихъ очерковъ очень замѣлательно повѣствуетъ о разныхъ курьезахъ изъ журнальнаго міра, заграничнаго и русскаго, столичнаго и провинціальнаго, и всѣ эти курьезы, по замыслу критика, должны свидѣтельствовать о нравственномъ паденіи современной прессы. Вся бѣда въ томъ, по мнѣнію автора, что великое дѣло

находится въ малыхъ рукахъ. Талантливые писатели, литераторы по призванію, ради карьеры бросаются на другія профессіи, а пресса находится въ нечистыхъ рукахъ. Понять, говорить, значить простить. А такъ какъ г. Меншиковъ смысла этого явленія не понимаетъ, то и не хочетъ прощать. Негодованію его нѣтъ предѣловъ и, видя погибающее человѣчество, онъ вовсе горло оретъ: „караулъ!“

А между тѣмъ умѣй онъ также внимательно наблюдать нашу общественную жизнь, какъ хорошо умѣетъ собирать анекдоты о журнальных дѣятеляхъ, ему не трудно было-бы понять такое простое явленіе, какъ бѣгство изъ литературы лицъ, способныхъ къ литературному труду.

Чтобы ни говорили гг. Волинскіе, жизнь выше искусства и дѣлать добро предпочтительнѣе чѣмъ воспѣвать его. Вотъ почему въ тѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, гдѣ наиболѣе развита гражданственность, многіе мастера слова охотно промѣниваютъ литературную профессію на политическую и общественную дѣятельность. А у насъ, въ Россіи, не только общественная жизнь, но и періодическая печать настолько пока мало развиты, что привлекаютъ къ себѣ или героевъ, безкорыстно отдающихъ высокими, благородными по-

рывамъ, или людей, которымъ другія сферы недоступны. Требовать отъ среднихъ людей — героизма, самоотверженнаго служенія высокому призванію журналистики, какъ это дѣлаетъ г. Меншиковъ, значить тратить слова по-пустому. Несравненно правильнѣе стремиться къ улучшенію тѣхъ внѣшнихъ условій, въ какія поставлена печать. При лучшихъ условіяхъ своего существованія печать способна привлечь къ своей работѣ лучшихъ людей, нисколько не передѣлывая ихъ натуры.

Какой практическій результатъ можетъ имѣть появленіе такихъ обличительныхъ статей, какъ вышеназванные очерки г. Меншикова, если они не могутъ привлечь къ ней свѣжія силы? На это отвѣтить не трудно. Та скандальная хроника, которая съ особымъ интересомъ разсказывается критикомъ, можетъ подорвать въ обществѣ и ту микроскопическую дозу довѣрія, которое оно до сихъ поръ питаетъ къ печати. Очевидно, что критикъ, надѣвающий на себя латы благороднаго рыцаря для защиты печати, совсѣмъ не рыцарски наноситъ удары лежащему. Словомъ, продѣлывается здѣсь тоже, чѣмъ такъ храбро занимаются гг. Чеховы и Волинскіе.

Характерный признакъ времени!
Г.

< Г. М. Тумановъ >

< Георгій
Туманисвили >